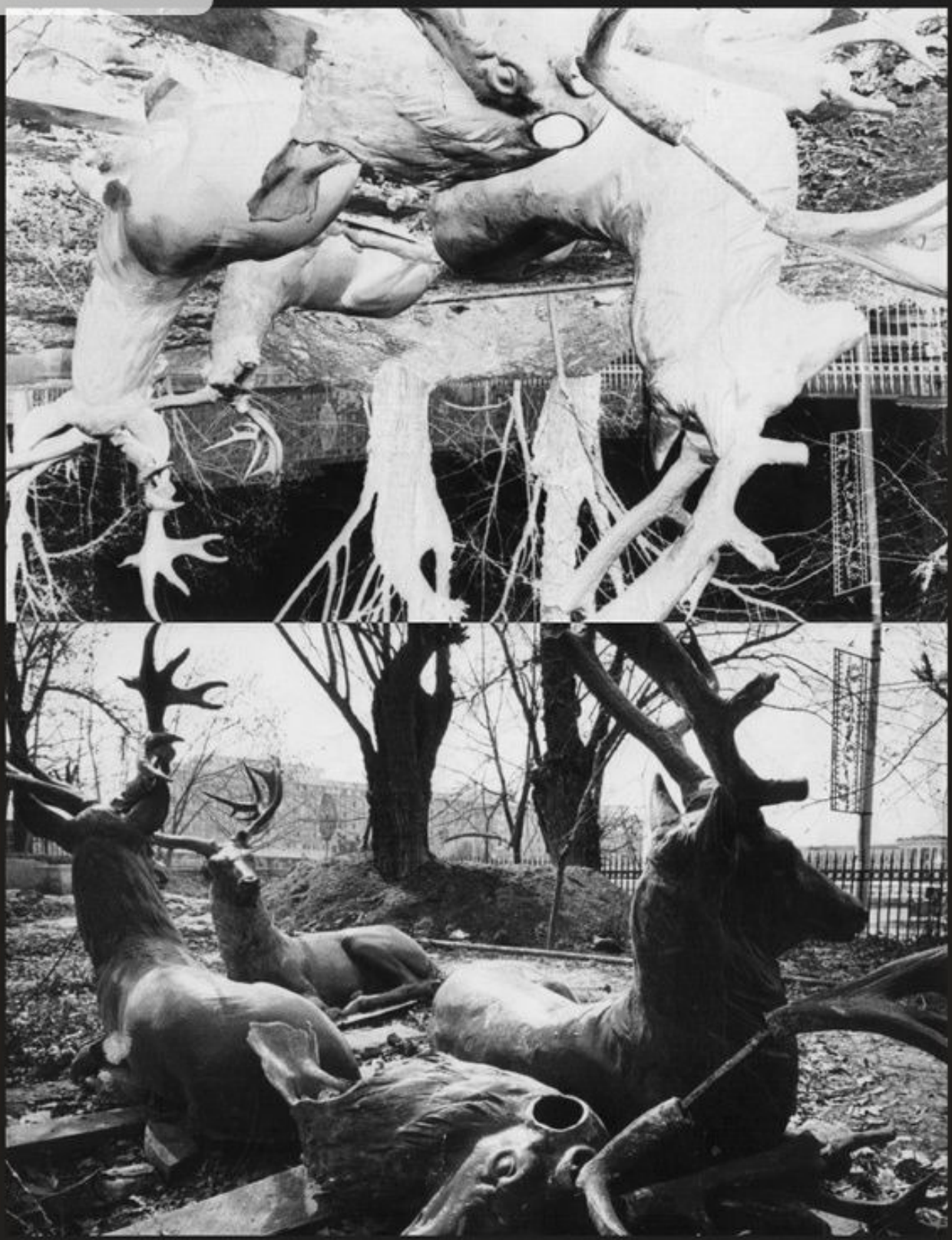
18+

Алексей Жданов

Подхватить зеркало

Алексей Жданов

Подхватить зеркало. Роман с самим собой

«Издательские решения»

Жданов А.

Подхватить зеркало. Роман с самим собой / А. Жданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837858-4

Это повествование, по сути, живой рассказ о жизни простого человека, Но человек этот не так уж прост.Легкая эротика, юмор соседствует с вполне серьёзными вещами. И всё это «работает» на одну цель: ещё раз напомнить, что человеческая жизнь — бесценна. Повесть читается на одном дыхании.

ISBN 978-5-44-837858-4

© Жданов А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Спасибо, что живой	8
В Германии	11
О книгах и среде обитания	17
Мамин юбилей	19
Первый приезд в Ташкент	21
Об игре на фортепьяно	23
УРА! Мы – первые!	27
В Ростове – на – Дону	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Подхватить зеркало
Роман с самим собой

Алексей Жданов

Ташкентцам, рассеянным по всему миру

Человеку первые тридцать лет предназначено делать ошибки, второе тридцатилетие – их исправлять, третье – наслаждаться обретением истины.
Восточная мудрость

Дизайнер обложки Вячеслав Жданов

© Алексей Жданов, 2019
© Вячеслав Жданов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-7858-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сегодня я вошёл в своё третье тридцатилетие, чтобы наслаждаться обретением истины, если верить восточной мудрости. И я счастлив.

Я достиг всего, о чем мечтал, и всего, чего хотел. Мои родные и близкие люди, слава Богу, живы и здоровы, у меня два прекрасных сына и трое очаровательных внучат.

У меня дом на берегу моря; в гостиной стоит кабинетный Стенвей, в кожаном кофре лежит превосходная гитара Рамиреса, а в рабочем кабинете в книжном шкафу – мои любимые Чехов, Бунин, Булгаков, Набоков, Тэффи…

Только не подумайте, что я хвалюсь, чтобы вызвать у вас одно из самых омерзительных и восхитительных чувств – зависть. Нет, и ещё раз нет! Просто я хочу, как говорят в Одессе, поговорить за жизнь. А что, скажите мне, может быть интереснее жизни, пусть даже самого ординарного человека? Советский писатель Израиль Меттер, как-то, сказал: «История легко объясняет судьбу целого класса, но не в силах разъяснить жизнь одного человека».

Неважно на каком языке вы читаете сейчас эти строки – на английском, испанском, или китайском. Вы меня отлично поймёте! Потому что я буду говорить о вещах, о которых думают и говорят (а иногда стесняются говорить) все люди, независимо от национальности, места проживания и прочих параметров.

Вы не поверите! В свои шестьдесят я чувствую себя лет на тридцать пять – сорок! Да и выгляжу, как и положено иностранцу, лет на двадцать моложе! Представьте себе, долгое время я чувствовал себя в центре России иностранцем! Я плохо переносил долгие холодные зимы, хамство, бытовую неустроенность и массу других вещей, о которых не хочется вспоминать. Хорошо, что я вовремя бросил курить и абсолютно отказался от алкоголя. «Нам не нужно химического веселья», – как заметила однажды писательница Ирина Грекова.

А может быть в моём хорошем (тьфу-тьфу! чтоб не сглазить!) самочувствии виноват ярко выраженный детский характер, над которым всю жизнь смеялись все мои родные, близкие и приятели? Если честно, я на полном серьёзе думаю, что мой характер может даже в недалёком будущем убережёт меня от погружения в детство, что имеет вполне определённое название – «старческий маразм». А так как я всю жизнь чувствовал себя мечтательным ребёнком и, к ужасу окружающих, часто вёл себя, как ребёнок то, смею надеяться, что мне уже невозможно будет впасть в детство, потому что я никогда из него, толком, и не вылезал.

Меня часто спрашивают: «Как Вам удалось дожить до солидного возраста, сохранить бодрость духа, чувство юмора и неплохую физическую форму?»

Не знаю. Может гены, а может быть так было угодно Богу. Не знаю. Но одно знаю точно. Чтобы долго жить, надо жить так, как тебе хочется. Делать то, чего тебе хочется. Не делать подлостей и радоваться каждому дню.

И надо мечтать. Да-да! Как можно больше мечтать! Но не так, как гоголевский Манилов, а чуточку конкретней, например, об улучшении своей жизни, не обращая внимания на то, в каком… ты живёшь! И стараться жить в своё удовольствие! Своей жизнью! Банально, не правда ли? На первый взгляд, задачка, вроде бы, не очень сложная. Но на поверку – это и есть самая трудная задача в жизни любого человека.

Представьте себе, что Вам в молодые годы – а чаще всего так и бывает – понравились лёгкое калифорнийское вино, или французский коньяк, или шотландское виски, или русская водка, чёрт бы её подрал! Даю голову на отсечение, что через несколько лет вы так втянетесь, что вас клещами не оторвёшь от бутылки! При этом вы будете возмущённо кричать: «Это моя жизнь! Я живу, как мне хочется!»

Вы хотите мне возразить? Не стоит. Я уже это давно прошёл и знаю, что говорю.

Ещё пару слов о мечтах.

Ровно тридцать лет назад, моя любимая жена пообещала вызвать карету скорой помощи, если я ещё раз попытаюсь её убедить, что мы будем жить в собственном доме на берегу моря. Мне пришлось заткнуться, чтобы не действовать ей на нервы. Она замечательная женщина, но во времена, когда мы жили в российской провинции в старом деревянном доме с печным отоплением и сортиром во дворе, мои бредовые идеи приводили её в состояние львиной ярости. Недаром она Лев по гороскопу. Но я – Водолей, а нас голыми руками не возьмёшь. Уж если что втемяшим себе в башку – ничем не выбьешь.

Итак, к делу.

Идею этого повествования я вынашивал несколько лет. Сначала хотел писать его от третьего лица, прикинувшись симпатичным, неординарным парнем, но потом решил, что от первого лица будет честнее и искренней. Может ли искренность быть абсолютной? На исповеди? – Возможно. Но здесь – другое. Здесь – роман с самим собой, длящийся всю жизнь.

Может так случиться, что эту книгу прочитают дети, внуки, а может быть и правнуки людей, о которых здесь написано. Я уверен, что так оно и будет! Чтобы не ставить читателей в неловкое положение, а себя не подвергать беспощадной критике и проклятьям! – некоторые имена и фамилии изменены.

Спасибо, что живой

Жаждущий счастья и падающее зеркало
на лету подхватит.
Автор этого повествования

Я мог умереть пять раз.

Первый раз в Подмосковье, где мы отдыхали в пятидесятых годах каждое лето у фронтового друга отца.

Я собирал грибы, нашёл очень похожий на боровичок гриб, сорвал его и тут же услышал окрик:

– Выбрось немедленно! Это Сатанинский гриб!

– Как интересно! – подумал я и пополам разломил шляпку. Светло-жёлтый разлом мгновенно почернел, и я зачем-то легонько его лизнул.

Буквально через четверть часа я был на грани смерти. Произошло сильнейшее отравление производным синильной кислоты. На даче не было скорой помощи и, произведя все необходимые действия, меня спасла замечательная женщина-врач, жена отцовского друга Мария Петровна. Было мне лет семь, но уже тогда я был ужасно любознательным.

Второй раз, в том же подмосковном Успенском. Из-за крутого поворота пешеходной дорожки на меня выскочил автомобиль с визгом, затормозив в двадцати сантиметрах от колеса моего велосипеда.

В третий раз – я тонул на Стрелке в Астрахани, и меня успели вытащить рыбаки.

В четвёртый – когда мы возвращались в Ташкент со старшим сыном с отдыха на озере Иссык-Куль. Водитель «Икаруса» заснул за рулём, и нас вынесло с дорожного полотна в гладкую, как стол степь. Спасло то, что дорога шла вровень со степью.

А в пятый раз от гангренозного перитонита уже в пятидесятилетнем возрасте. Хирург сказал, что мне повезло, что мало кому удаётся выжить при таком запущенном перитоните и похвалил меня за то, что я весёлый парень и хорошо держусь.

Самое интересное, что этот самый пятый раз мне предсказала цыганка. Цыгане симпатичные люди, но по мне лучше, когда они поют свои красивые песни и исполняют зажигательные танцы.

В начале восьмидесятых годов я ездил с младшим сыном на Чёрное море, и черт меня дёрнул зайти к знаменитой на всём побережье гадалке!

Красивая, ухоженная цыганка средних лет взяла мою руку и внимательно взглянув, сказала:

– У тебя очень длинная линия жизни, но вот здесь – видишь, на середине – она прерывается. Ты можешь тяжело заболеть, и если не умрёшь, то будешь жить очень долго.

Меня мало обрадовало такое пророчество, и я подумал:

– Чушь какая-то! Да что ж это такое! Умереть в середине жизни! Да если и случится болезнь, то я должен! Просто обязан выжить! Я же так люблю жизнь!

Денег цыганка, почему-то, не взяла, пригласила к столу, откупорила бутылку марочного вина и поставила вазу с фруктами. Мы выпили с ней по бокалу и распрощались.

Из Архангельска в Ростов-на-Дону наша семья переехала к новому месту службы отца в 1952 году. Мы снимали квартиру в районе «Нахаловки». Хозяином старого деревянного дома был хмурый мужчина по фамилии Нестреляй. Соседи говорили, что во время оккупации он служил у немцев полицаем.

Как-то раз, я гулял во дворе, ограниченном почерневшими дровяными сараями. В руках у меня был кусок белого хлеба, намазанный сливочным маслом и посыпанный сахарным песком. По крыше сарая разгуливали жирные голуби с красивым переливающимся оперением. На дальнем конце сарая лежал кот и напряжённо следил за голубями. Потом, едва заметно, стал ползти к беззаботным птицам. Ближе, ближе. Голуби, кажется, не замечали кота, и вдруг, молниеносный прыжок, и в зубах у кота уже бьет крыльями птица. Кот спускается с крыши на траву и начинает терзать свою добычу. Летят перья и пух, брызжет кровь. Я, оцепенев, не в силах оторвать взгляда, смотрю на этот ужас, потом с рёвом бегу в дом и кричу: «Мама! Мама! Там кот птицу убил!». Мама выходит со мной на крыльцо, обнимает меня, гладит по голове и говорит: «Успокойся, сынок, так иногда случается, коты любят кушать птичек».

Первое, увиденное мною убийство живого существа, запечатлелось на всю жизнь.

Потом, уже живя в Германии, я не раз был свидетелем того, как мальчишки убивали из самодельных луков и рогаток белок, в изобилии живущих в немецком лесу. Эта жестокость была мне противна. Я и в мыслях не держал участвовать в убийстве этих пушистых зверьков. Единственное, что помнится, связанное с детской жестокостью, – это отрывание крыльев у мух, что, кстати, не доставляло мне никакого удовольствия.

Запомнились мне походы на Нахаловский рынок. Мама каждый раз покупала мне вкусный горячий пирожок с мясом. Помню, она часто покупала «синенькие» – баклажаны, и я это слово путал со словом «азербайджанцы», а годом позже путал столицы Англии и Франции: чья столица Лондон, а чья – Париж, но с этим я вскоре разобрался.

Через какое-то время отцу дали комнату в коммунальной квартире на Будённовском проспекте. Здесь уже был туалет, и даже ванная комната.

Меня с самого рождения окружала музыка. Отец мой был большим любителем классической музыки и итальянской оперы. Он знал наизусть фантастическое количество арий и в минуты благодушия часто негромко что-нибудь напевал приятным баритоном.

Отец сутками был на службе в госпитале, старшая сестра работала и училась в вечерней школе, мать занималась домашним хозяйством, а я сидел у окна и слушал радиоприёмник, по которому целый день передавали классическую музыку и песни военных лет, и это было моей звуковой средой обитания.

Сколько себя помню, меня всегда тянуло к музыке.

Кажется, в четырехлетнем возрасте я впервые услышал «Танец с саблями» Хачатуряна. Я был поражён, напуган и, не дослушав *дикую* музыку до конца, побежал на кухню с криком: «Мама! Тарзан! Тарзан!» Вероятно, вспомнил недавно увиденный кинофильм, непонятным образом соединив джунгли с энергичной, напористой музыкой. Мама не раз рассказывала, что я, будучи карапузом, стоял в кроватке, и, услышав музыку из тарелки-радио, начинал *дирижировать*. Кто-нибудь из гостей непременно говорил: «Гляди-ка! Дирижёром будет!» А в шестилетнем возрасте я, что есть сил, натягивал на гвоздики, вбитые в дощечку, леску и пытался подбирать знакомые мелодии.

Запомнился промозглый мартовский день, когда протяжно и жутко гудели все заводы и фабрики Ростова-на-Дону. Мама плакала, плакали бабушки, женщины, одетые в темную одежду и закутанные в теплые платки. Умер Сталин. Папа отнесся к этому событию спокойно. И сказал маме: «Хватит реветь». Много позже я узнал, что отец был арестован в 1937 году в Астрахани за анекдот про Сталина. Кто-то из компании стукнул на него. Мама часто потом говорила: «Все друзья-товарищи – до черного дня!» И имела на это право. Как только отца арестовали – все друзья, знакомые и даже родственники куда-то исчезли. Маму с двумя малолетними детьми из хорошей квартиры выселили в сырой подвал, трёхлетняя сестра заболела и умерла от пневмонии.

Мне было пять лет. С четвертого этажа из единственного окна нашей комнаты-«кишки», перегороженной пополам огромным до потолка шкафом, хорошо был виден внизу длинный кирпичный барак. Я целыми днями сидел у окна и наблюдал околобарачную жизнь.

Там суетились и громко разговаривали какие-то люди, бегали дети, без конца крутили одну и ту же пластинку – «Карело-финскую польку». На примусах, керогазах готовилась еда. Даже до четвертого этажа доносились запахи раскаленного постного масла, керосина и жареного лука.

Однажды внизу загалдели громче обычного, начался очередной скандал, и вдруг из кухонного окна нашей коммуналки раздался звонкий и злой голос нашей соседки: «Правильно! Мало вас, жидов, немец передушил!»

Я был мал, но уже знал, что была война и что фашисты были плохими и убивали русских, но я еще не знал слова *жид* и не понимал, за что их следовало «душить», но чувствовал, что тетя говорит что-то нехорошее, гадкое!

Однажды в душный, летний вечер мама отправила меня с сестрой погулять в городской парк. Запомнилась красивая аллея с огромными деревьями и пряный запах южных цветов. Я носился по дорожке, а сестра сидела на скамейке и листала журнал. Потом позвала меня и таинственно зашептала на ухо:

– Видишь того кудрявого мальчика? На! – Она вложила мне в руку туго свернутый журнал, – подбеги и тресни его по голове!

– Зачем? Он же меня не трогал! – сказал я.

– Ничего! Это как будто ты с ним играешь, – успокоила сестра.

Я выполнил поручение: подбежал сзади к рыжеволосому мальчику, бац! по кудрявой голове и пулей назад, в сестрины колени.

Что тут началось!

Мама мальчика стала что-то кричать в нашу сторону, сильно размахивая руками. Сестра только этого и ждала, зажав рот рукой, беззвучно затряслась от смеха. Сценка удалась, Люся была в восторге!

Вернувшись домой, она радостно рассказала нашей маме о моем «подвиге», искусно воспроизводя жесты, интонации и картавое «р» возмущенной женщины. Мама, не дав ей договорить, отругала сестру и обещала всё рассказать отцу.

Подавляющее большинство советских людей после войны жили бедно. Хорошо помню, что мама до нашего отъезда в Германию перешивала свои платья для моей сестры, перелицовывала какие—то вещи. Приобретение пары обуви, блузки, юбки, не говоря уже о пальто – было в семье радостным событием.

В пятидесятые годы в СССР появилась значительная группа людей (так и хочется назвать их *классом*), которые служили за границей: в Польше, ГДР, Венгрии. В основе своей – это была лучшая, самая грамотная часть советского офицерства, прошедшая Великую Отечественную войну. Им посчастливилось остаться в живых. Они успели и горя хлебнуть, и вдохнуть живительного воздуха европейской цивилизации. В особенности же повезло детям, проведшим своё детство в странах Восточной Европы. Условия жизни, питание, воспитание, впечатления детей, в особенности детей из провинции, и сельской местности разительно отличались от сверстников, живущих в Союзе. Приблизиться к столь высокому уровню жизни могли лишь москвичи, ленинградцы, дети партийной номенклатуры, директорского корпуса, профессуры и прочих немаленьких начальников. Даже более позднее пребывание за границей, в семидесятые—восьмидесятые годы уже не было экзотикой, и не воспринималось *простым народом* с такой жгучей завистью, как в пятидесятые – шестидесятые.

В Германии

В августе 1954 года мы с мамой и старшей сестрой ехали из Ростова – на – Дону к отцу, к месту его службы в ГДР. Ехали через Киев. Запомнился огромный серый особняк, где мы переночевали и громадные деревья с густой тёмно-зелёной листвой.

На маленьком, почти игрушечном вокзале тихого немецкого городка нас встречал отец в новенькой, ладно пригнанной форме подполковника медицинской службы. Пошли в наш новый дом. Мы были поражены размерами и красотой этого жилища. Шикарный старинный особняк тёмно – красного кирпича под черепичной крышей. В нём было четыре квартиры. Одна из них – была наша: прихожая, две просторные комнаты на втором этаже с высоченными потолками, большая светлая кухня, белоснежная ванная комната с «титаном». За окнами дома был большой яблоневый сад.

Моё детское знакомство с Германией началось с маленького местечка Белиц в двадцати семи километрах от Потсдама. Сразу же поразила аллея, обрамлённая громадными вековыми каштанами, прямые асфальтовые дороги с идеально чистыми тротуарами, вдоль которых на сотни метров тянулась чугунная кованая ограда, имитирующая средневековые пики, вертикально поставленные правдоподобными наконечниками вверх; аккуратно-игрушечные, но основательные дома под нарядными черепичными крышами, массивные, с высоченными окнами, четырёхэтажные краснокирпичные корпуса, окруженные хвойным реликтовым лесом. Говорили, что здесь была клиника знаменитого доктора Коха, открывшего туберкулёзную палочку. Теперь в этих шикарных корпусах располагался военный госпиталь Группы советских войск в Германии (ГСВГ), в котором служил мой отец-фронтовик, военный хирург, внешностью своей (по признанию коллег) поразительно похожий на Ивана Алексеевича Бунина.

Начальником санитарной школы, при военном госпитале, был выпускник Военно-медицинской академии имени Кирова подполковник, фронтовик Малютин. Это был человек большой души, с потрясающим чувством юмора и, как сказали бы сейчас, с голливудской внешностью. Его мать была осетинкой, а отец русским. Борис Никифорович был человеком гордым, независимым, знающим себе цену. Питерское элитное воспитание гармонично сочеталось у него с гордым кавказским менталитетом. На каком-то войсковом смотре генерал Чертов (главный медик ГСВГ) неправильно назвал его фамилию – Милютин. При большом скоплении высшего офицерства Борис Никифорович не постеснялся поправить генерала: «Товарищ генерал! Прошу Вас не путать мою фамилию с фамилией композитора. Моя фамилия Малютин», – отчеканил Борис Никифорович.

Мой отец был из петербургской адвокатской семьи. Пройдя суровую школу сталинских лагерей и всю войну, он не потерял вкус к жизни и великолепнейшее чувство юмора. На этой почве, думаю, они и подружились. Малютин любил и очень уважал отца, и называл его с нарочито легким кавказским акцентом – Константиныч.

– Ну, Константиныч, давай еще по одной, пока Ойстрах струну перепилит.

Женой Б. Н. была симпатичная Зоя Михайловна – статная русская женщина, в очках, в тонкой металлической оправе похожая на учительницу. Кстати, она имела педагогическое образование, но немного успела поработать, так как воспитывала двух сыновей погодков – Вовку и Борьку. Наши семьи подружились.

Развлечениями советских офицеров были: посещение маленького ресторанчика на вокзале, поездки за покупками в Потсдам, рыбалка, охота. Тогда-то в далекие пятидесятые в нашей семье появилась традиция воскресных обедов. Попеременно обедали то у Малютиных, то у нас дома.

Борис Никифорович оказался блестящим кулинаром. Его коронным номером было изготовление больших тортов неописуемой красоты и вкуса. Моя мама даже не пыталась соревноваться с ним в кондитерском искусстве. Её *специализацией* были мясные, рыбные блюда, а также холодец, который чрезвычайно брезгливый Б.Н. ел только у нас.

Через пару лет отцу дали большую трехкомнатную квартиру в другом доме, на втором этаже с отличным спортзалом на первом этаже. Офицеры – медики укрепляли своё здоровье, играли в волейбол, баскетбол, теннис, некоторые «тягали железо». Регулярно проводились различные соревнования, и для того, чтобы их посмотреть, мне достаточно было спуститься на один этаж.

Мне было восемь лет, я чувствовал себя тогда уже не простым мальчиком, а мальчиком, у которого папа – настоящий военный, подполковник.

Все поезда на Москву отправлялись из местечка Вюнсдорф. Наша семья всегда ездила в мягком вагоне. Перед отходом поезда, я чинно прохаживался по перрону, поглядывая на своих сверстников и разглядывая звезды на погонах их отцов. Уже тогда я знал все воинские звания от рядового до генералиссимуса, знал, что выше генералиссимуса уже ничего не может быть, и что Сталин был генералиссимусом.

Мы жили в Германии семь лет и пересекали границу СССР с Польшей, и Польши с ГДР – четырнадцать раз. Каждый раз, прибывая в Брест, все выходили из вагонов часа на три. У вагонов меняли колёсные пары. Состав переводился с советской, более широкой колеи, на европейскую. Мы шли в Госбанк, который находился не то на вокзале, не то где-то рядом с ним. Помню серьезное спокойное лицо отца и свое чувство мальчишеской гордости, когда папа получал из окошечка банка несколько толстых пачек большущих советских денег. Я уже тогда отлично понимал, что чем больше таких пачек, тем мы будем лучше и веселее жить. Потом мы шли в ресторан и обедали, а после обеда гуляли по перрону, ожидая своего поезда «Москва – Варшава— Берлин».

Как-то раз, гуляя по перрону, проходили мимо длинного стола с книгами. Остановились. Отец, указав на обложку одной из книг, сказал: «Это ты не читал, прочитай обязательно. Тебе понравится». Купил и дал мне книгу: «Алексей Толстой – вслух прочитал я и потом медленно: Ги-пер-бо-ло-ид инженера Гарина! Аэлита!».

– Это фантастика, – сказал отец. – Тебе понравится.

Себе в поезд отец купил книжку в мягкой обложке: «Квадрат Б-52». Я и её потом прочитал. Эта брошюра была с черно-белыми фотографиями, на которых была изображена шпионская амуниция, фотоаппаратура с длинной оптикой, и ещё что-то. Но мне, почему-то, запомнилось фото с изображением части улицы Энгельса в Ростове-на-Дону, улицы, на которой, по словам автора, был арестован иностранный шпион. Я вглядывался в снимок и удивлялся про себя: до чего же не привлекательно выглядела наша любимая центральная улица Энгельса. Сто раз я по ней ходил, именно мимо этого здания, неподалеку от входа в парк имени Горького, и *ростовский Бродвей* в жизни выглядел намного красивей и нарядней! Много лет спустя, став профессиональным фотографом, я понял, в чём дело и уже сам делал для журналов фотографии домов и улиц в самых разных городах, которые на страницах и обложках журналов, выглядели даже лучше, чем в реальности.

Середина пятидесятых годов. Наша семья едет в мягком вагоне в отпуск в Союз. Поезд шел по территории бедной послевоенной Польши. На каждой остановке по перрону, вдоль нашего состава, бегали плохо одетые польские дети. Они просили дать им чего-нибудь вкусного. Русские обычно давали им конфеты и их чумазые лица озарялись счастьем. Когда мы отъезжали от какой-то станции, в окна нашего поезда полетели брикеты бурого угля. Их бросали дети, которые ничего не получили от сытых советских офицеров.

Я лежал на животе на верхней полке и глазел в окно. Неожиданно, рядом с моей головой плюхнулся увесистый кусок чёрно-коричневого угольного брикета.

– Мама, что это? – спросил я, протягивая незнакомый мне предмет.

– Это хулиганы бросают, – сказала мама и добавила:

– Сволочи! Хорошо, что в голову не попали.

Однажды, в Белице я услышал под нашими окнами живое пение *невиданной красы* и рассыпчатый, чистый звон гитары. Я сбежал вниз и увидел небольшую группу людей в новеньких спортивных костюмах. В центре внимания был симпатичный парень с гитарой, самозабвенно поющий песню «Караван». Я был просто поражён красотой звучания гитары и подумал: «Вот бы мне научиться *так* играть!»

Мы, дети офицеров, жили интересной насыщенной жизнью: рыли землянки, из веток деревьев и кустов сооружали «штабы», лазали внутрь настоящих танков, приготовленных для обучения наших солдат, ходили по лесу, в котором находили гильзы от автоматов, немецкие и русские ржавые каски, оставшиеся после войны, а однажды нашли кованый, восьмигранный ствол старинного мушкета.

Как-то раз, углубившись в лес, набрели на полуразрушенный дом, из замшелых расщелин которого за двенадцать послевоенных лет выросли молодые деревца. Мы ходили по хрустящей штукатурке и битому кирпичу, заглядывали в зияющие пустоты оконных проёмов, бодро преодолевали лестничные марши без перил и бродили по пустым комнатам, стены которых были покрыты невиданными рисунками. Мастерски нарисованные углём, все они были исключительно эротического содержания. Мучительное гормональное напряжение таинственного автора, искания истомлённой похотью плоти, самые смелые эротические фантазии были перенесены на серые стены разрушенного немецкого дома. Перечисление изображённых сюжетов (я понял это много позже) могло бы соперничать с Камасутрой, но неизвестный художник пошёл ещё дальше. Каждый рисунок был снабжён аккуратными подписями на русском языке, комментирующими с солдатским юмором изображённые действа. Что и говорить, незапланированный поход в экзотическую галерею произвёл неизгладимое впечатление на наши неокрепшие детские души.

Мне семь лет. С папой и мамой я иду по осеннему Потсдаму мимо фантастически громадных почерневших изб. Этот район Потсдама называется Русская деревня Александровка. Я, нарочно отстав, с интересом наблюдаю, как к толстым, сплошным мягким подошвам неуставных отцовских полуботинок прилипают, отлипают разноцветные, узорчатые листья. Мы идем в гости к моей сестре, которая недавно вышла замуж за молодого советского офицера-москвича. Сверкают под солнцем медно-красные листья. Я с упоением вдыхаю воздух чистой немецкой осени, успевая вслух удивляться невероятной толщине бревен, из которых сложены диковинные русские избы.

Уже тогда вид этих угрюмых жилищ вызывал во мне необъяснимое волнение, и чувство, похожее на тоску; мне казалось, я начинал скучать по далёкой Родине.

Живя еще дальше от России, в Ташкенте, я везде, где мог, искал ее приметы: специально ходил по улицам, где даже после памятного землетрясения 1966 года сохранились крепкие особняки колониального стиля, краснокирпичные одноэтажные дома, построенные в конце позапрошлого века по проектам петербургских архитекторов. Идеально ровная и фигурная кирпичная кладка, старинная лепнина, колонны, дубовые, потемневшие от времени двери с массивными медными ручками, старый платан, посаженный сто лет назад – вызывали во мне необъяснимое чувство зарождающейся любви к своей далёкой Родине, которую я толком и не знал.

– Грузовик перевернулся, грузовик перевернулся! – радостно кричали мальчишки.

Неподалеку от нашего госпиталя с автодорожного моста над железнодорожной линией «Берлин-Лейпциг» упал грузовик, груженный апельсинами, и об этом уже знали все местные немцы и наши. Я побежал к мосту и увидел необычную картину. На откосе мостового спуска, на боку лежал грузовик. Из разломанного, крытого брезентом кузова, огромным, ярко-оранжевым языком вывалились на изумрудную траву, отборные апельсины. Я подбежал и схватил ароматный шар.

– Не смей трогать! Положи на место, это не твоё!

Я обернулся и вздрогнул от неожиданности, увидев отца.

– Все же берут! Посмотри, папа, берут!

– А ты не бери, это – не твоё! Я куплю тебе ещё лучше. Всё! Пошли домой!

Каждую субботу мы всей семьей ходили на Банхоф (вокзал) в ресторанчик, очень похожий на «Элефант» из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

Отец был не только хорошим врачом, но и отзывчивым, лёгким человеком. Надо сказать, местные немцы в подавляющем большинстве хорошо относились к русским. В маленьком городке многие знали отца и мать. Помню, ремонт нашей квартиры делала небольшая строительная бригада немцев. Мама каждый день кормила их хорошим русским обедом и угощала настоящим кофе, а не эрзацем. Вероятно, информация о доброй фрау Лиде быстро разошлась по городку. На улице с нами здоровались чуть ли не все прохожие немцы.

– Гутэн таг, герр подпольковник! – приветствовала папу официантка и чуть тише: «Пр*о*шу пана». Она была полькой из Восточной Пруссии, и сразу же углядела во внешности отца едва заметные польские черты.

Чаще всего родители заказывали фирменное блюдо ресторанчика – шницель с тушеной капустой. Запомнились огромные, чуть ли ни в полметра диаметром, тарелки в виде мерседесовской звезды. В одном секторе покоился громадный, пышущий жаром свиной шницель, в палец толщиной, в другом – горка тушеной коричневато-охристой капусты, в третьем – упругий зеленый горошек, заботливо укрытый свежим, листом салата. У родительских тарелок стояли большие тюльпанообразные рюмки с коньяком на донышке, высокие бокалы на красивых картонных кружочках со светло-янтарным пивом, а у нас с сестрой – узкие стаканы с лимонадом неестественно яркого цвета. Вкусно пахло жареным мясом, сигаретным дымом и свежим пивом. Сзади буфетной стойки в окружении разноцветных бутылок возвышался довоенный темно-ореховый «Телефункен», из которого интимно – мягко лилась чудесная музыка пятидесятых годов в исполнении великолепного оркестра Берлинского радио.

На уроках мой сосед по парте потрясающе рисовал бесконечные воздушные бои, в которых наши русские истребители сбивали фашистские мессеры и фоккеры. Я твёрдо знал, что мы живем на земле побежденных немцев, и русские здесь – главнее них. Но родители наши не забывали напоминать как надо вести себя с местными детьми. Помню, в запале игры кто-то из наших пацанов выкрикнул слово «фашист». Немецкий мальчишка разревелся, побежал домой к своей матери. Отец рассказал, что было серьёзное разбирательство с родителями нашего мальчика, не сумевшими правильно воспитать своего отпрыска. В те годы восточные немцы уже прониклись идеями социализма и, вроде бы, стали нашими друзьями.

В советском госпитале появился подполковник с окладистой бородой. Какое-то время его внешность была предметом обсуждения офицерских жен. Но более всего госпитальных дам, раздражала жена Бороды (как немедленно прозвали нового невропатолога), молодая элегантная женщина, столичного вида. Как оказалось, она не только со вкусом одевалась, но и была хорошо образована и превосходно владела немецким языком.

Как-то раз, в автобусе, который ехал в Потсдам, местные немки завели нелицеприятный разговор насчёт русских. Осталась у них такая слабость, как употребление в адрес славянских национальностей выражений вроде «Чехише швайн», «Руссише швайн», и т. д. В салоне автобуса находилась жена Бороды. Она не выдержала и на чистейшем берлинском диалекте дала такую отповедь, что повергла местных фрау в шок! Ещё добрых полгода жительницы городка боялись рот открыть в присутствии русских. К слову, уже в зрелом возрасте мне приходилось бывать за рубежом и наблюдать немцев на отдыхе. Поведение многих представителей этой *культурной нации,* мягко говоря, не отличалось примерным поведением, а порой и перехлёстывало экзерсисы моих дорогих соотечественников.

Жизнь в ГДР протекала спокойно и буднично. Но изредка происходили ЧП. Я с малых лет знал, что ЧП – это что-то страшное и нехорошее. Я даже смотрел советский кинофильм фильм с названием «ЧП».

Однажды утром все узнали, что молоденькая медсестра ночью бросилась под поезд. Несчастная любовь, беременность от женатого мужчины. Полгода спустя, на охоте случайно застрелили офицера. Время от времени происходили автокатастрофы и в госпиталь привозили пострадавших. Молодой офицер стрелялся в висок, пуля пробила лобные доли мозга, он остался жив, но сошел с ума.

Рано узнал я словосочетание «в двадцать четыре часа». Именно столько времени требовалось, чтобы отправить в Советский Союз проштрафившегося офицера, или вольнонаёмного, невзирая на звание и прошлые заслуги.

В дни венгерских событий 1956 года все русские сидели в ГДР, как на иголках. В семьях рассказывали о каких-то жутких вещах, о стрельбе и гибели мирных людей. Ещё страшнее было в дни Карибского кризиса. Ждали, что вот-вот грянет новая Мировая война, в которой было бы мало шансов выжить, потому что это – была бы ядерная война.

Во времена политического затишья жить в ГДР было очень комфортно.

Вспоминается театральная фраза: «А где-то далеко есть другая, красивая, интересная жизнь». Бог ты мой! Еще ребенком я успел увидеть эту жизнь. Мы с отцом в Потсдаме. Мне лет семь-восемь. После прогулки по знаменитому парку королей «Сан-Суси» зашли в летнее кафе. Седой, благообразный немец играет на саксофоне что-то медленное, невероятно красивое! Я слушаю, открыв рот, впитывая в себя каждый звук. Это – настоящее волшебство! Я впервые в жизни слушаю живую музыку! Нас окружают несмешиваемые запахи цветущих лип, кофе, сигарного табака. Слышится негромкая сдержанная немецкая речь.

Я и сейчас вижу перед собой умиротворённое, доброе лицо своего отца.

Все офицерские семьи в ГДР были прикреплены к продовольственным складам. Склад в Белице находился в массивном, приземистом здании морга, в подвале.

Врезалось в память. Мама стояла в небольшой очереди за продуктами, а я, отбежав в сторонку шагов двадцать, глядел в огромное распахнутое окно на первом этаже. Там санитары тяжело ворочали большое мускулистое тело человека, с трудом разгибая окоченевшие рельефно-накачанные руки, надевая на мертвеца новенькую гимнастёрку. Я уже знал, что это был один из тех четырех солдат, кто насмерть отравился метиловым спиртом.

Воскресное летнее утро. Под окнами нашего дома раздаётся зычный голос Бориса Никифоровича:

– Константиныч! А-у! Какой воздух, какая погода! Давай, выходи скорей! Все грибы наши будут!

На его плече висел лучший на то время гэдээровский фотоаппарат «Exacta Varex» с большим светосильным объективом.

Б.Н. был, как и моя мама, страстным грибником. Отец же был равнодушен к рыбалке, охоте, грибам. Он был любителем преферанса, бильярда, и заядлым книголюбом. Помню, с какой гордостью, он показывал Малютину маленький оранжевый томик Эразма Роттердамского «Похвала глупости» с гравюрами Гольбейна младшего на мелованной бумаге, только что изданного в Москве небольшим тиражом.

О книгах и среде обитания

В пятидесятых-шестидесятых годах в Советском Союзе огромными тиражами издавалась русская и зарубежная классика. Почти всё, что выходило в те годы, появлялось в отцовской библиотеке. Каждый том подписного издания, к удовольствию отца, я встречал радостно: аккуратно, с хрустом раскрывал книгу и, прежде всего, искал картинки, рассматривал их, и даже нюхал воздух от пружинно-скоростного пролистывания свежих страниц.

Через сорок лет в голове моей вдруг вспыхнула строка: «Творожно-мятный запах хрустящих новых книг». Точно знаю, что напечатанные на хорошей бумаге, с вклейками иллюстраций на мелованной бумаге, книги имели именно такой свежий запах – творожно-мятный.

К чтению я пристрастился рано, ещё до школы. Одной из моих первых книжек была большая темно-синяя книга с рельефным изображением профиля А. П. Чехова. Ещё до школы прочитал К. Чуковского, С. Михалкова, С. Маршака.

Родители часто уходили по вечерам в госпитальный клуб, оставляя на столе полную вазу ароматных ярко-оранжевых апельсинов, и я с упоением читал Майн Рида в твердом переплете оранжевого цвета.

Все герои говорили у меня живыми голосами, всей кожей я ощущал раскаленный воздух прерий, чувствовал острые запахи конского пота, сыромятной кожи, выдуманный вкус вяленого мяса.

Иногда, сидя дома один, я подолгу перебирал открытки, купленные родителями в Русском музее, в Музее имени Пушкина, в Третьяковской галерее, в Эрмитаже и неторопливо, подробно всматривался в сказочные, почти реальные картины, уменьшенные до размера почтовой открытки; переворачивал их, и читал вслух названия и фамилии художников, звучащие как музыка: Караваджо, Тинторетто, Джорджоне, Веронезе…

Уж сколько написано и говорено про значение книги в человеческой жизни, о воспитании в семье, о среде обитания. Любое рассуждение на эту тему давно уже стало банальностью. Кто-то очень метко сказал, что если бы Моцарт родился не в Зальцбурге, а в деревне в обычной крестьянской семье, то в лучшем случае, он бы замечательно играл на самодельной дудочке, присматривая за стадом коров.

Спустя полвека после первого знакомства с книгой, я прочитал у Евгения Гришковца, схожие с моими мыслями страницы.

Здесь необходимо пояснение. Женя родился в семье ленинградских интеллектуалов в далёком сибирском городе Кемерово. Он очень рано, много и бессистемно стал читать. И вот, судьба преподнесла ему подарок в виде встречи с ленинградским же учёным, другом родителей – В.А. которого попросили приглядеть в течение трёх недель за четырнадцатилетним парнишкой, на время их отъезда. Этот В. А. ненавязчиво завёл очень интересные разговоры про литературу, про кинофильмы, про жизнь, которую интереснее всего познавать в юношеском возрасте. А чего только стоили списки книг и кинофильмов, расписанных подробно по странам, как в великолепном учебнике! И всё это (книги, фильмы) – было шедеврами. Зёрна упали в благодатную почву, как писали в старину. Мы знаем, кем стал Е. Гришковец. Так что знаменитости рождаются не только в столицах.

И всё же, что бы там не говорили, а в далёких, даже очень больших городах, родители не могут дать своим детям такой объём впечатлений, ощущений, знаний, какой совершенно естественно получают дети, живущие в Петербурге и Москве. Я не оговорился. На мой взгляд, *детские впечатления и ощущения* – главное в формировании личности человека.

Запомнился рассказ ташкентского журналиста Владислава Поплавского о поездке в далёком детстве к бабушке в Ленинград.

Бабушка жила в центре города в старинном доме, в коммуналке. Культурная столица произвёла на двенадцатилетнего мальчишку потрясающее впечатление! Дома, улицы, проспекты, площади, храмы, памятники, каналы, Нева, музеи, звуки, запахи, люди, их речь, манера общения, готовность показать любому приезжему свой любимый город, – всё это врезалось в память мальчишки навсегда. Но особенно ему, если можно выразиться, ребёнку литературному, запомнилось самовольное проникновение на чердак старинного особняка. Помимо всякой рухляди, скопившейся там за многие десятилетия, он обнаружил аккуратные стопки связанных дореволюционных журналов и газет. Владислав рассказывал мне, с какой жадностью вглядывался он в эти чудесные литографии, в потрясающего качества фотографии, в диковинные и смешные рекламы, в эти бесконечные яти, с каким интересом читал *новости столетней давности*. «За один летний месяц пребывания в Питере я узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь в Ташкенте, – говорил Влад. – Как жалко, что я не родился и не жил в этом городе! У меня была бы другая жизнь».

И это было правдой. Он так и проработал всю свою жизнь в ташкентских редакциях, не реализовав себя, свой художественный, литературный талант и на десять процентов.

Мамин юбилей

9 мая 1956 года маме исполнилось пятьдесят лет. Свой юбилей она решила отпраздновать в Москве, куда мы специально приехали в отпуск из Германии к папиному фронтовому другу. Праздничный стол решено было накрыть в зале трехкомнатной квартиры в доме на Новопесчаной улице. Понятно, что *этих* москвичей трудно было удивить обильным праздничным столом, но мама расстаралась. Астраханка по рождению, она великолепно готовила рыбные блюда, но в те майские дни в Москве, как на грех не было нужной рыбы. Ну и что! Мама на один день слетала к себе на родину за осетром.

На банкете присутствовал тесть папиного друга, высокопоставленный чиновник из ЦК КПСС – красивый чернобровый, седовласый Павел Иванович, державшийся *с баристой простотой*. Он был с супругой – тишайшей, маленькой, простоволосой и незаметной женщиной в тонких золотых очках. На юбилей приехала из ГДР и моя старшая сестра с мужем-офицером.

Полгода спустя, в офицерском клубе госпиталя перед сеансом показывали кинохронику Нюрнбергского процесса, и я вдруг увидел Павла Ивановича, находящегося среди членов советской делегации. Того самого, который запросто разговаривал со мною в Москве, перед тем, как сесть за праздничный стол на мамином юбилее.

– Пал Иванович! Пал Иванович! – вскочив, как ошпаренный, завопил я. – Вон он! Это он! Казалось, половина зрителей повернули головы в мою сторону.

Поджарый, сутуловатый, Сергей Николаевич – зять этого самого Павла Ивановича – был настоящим москвичом: деятельным, общительным, невероятно подвижным и простецким. Однако был он далеко не простым человеком. Московский чиновник любил книги, оперетту, вино, женщин, карты, бега, и в свои сорок лет, оставался тем же молодым парнем, которого фронтовая судьба свела с моим отцом. В сущности, Карелин был счастливым и легким человеком. Прошел всю войну и, не получив ни одной царапины, вернулся с фронта в родную Москву. Удачно женился, жил с женой и дочкой в центре Москвы, работал в крупном министерстве, имел служебную машину, дачу, бесплатно, чуть ли не каждый год, ездил за границу, и естественно, был оптимистом.

Он, разумеется, знал, что его фронтовой друг (мой отец) после службы в Германии, должен был вернуться в Ростов в коммунальную квартиру. Каждый раз, хорошо выпив во время очередного застолья, говорил: «Погоди, Андрей, я тебе помогу квартиру в Москве сделать». Отец, понимающе кивал, не веря ни одному его слову, и равнодушно наполнял рюмки.

Через тридцать лет, когда мы уже жили в Ташкенте, помню, я что-то спросил отца насчёт Карелина. «Серёжка? – переспросил отец. – Трепло! – спокойно добавил он.

Много лет спустя, я интересовался у родителей: «Почему вплоть до 1961 года мы ездили в отпуск только в Москву и Подмосковье, а не на Черноморское побережье или в Крым, как делали это чуть ли не все офицеры?» Но вразумительного ответа так и не получил. Мать с лёгкой горечью говорила, что умные люди после службы за границей покупали автомашины, квартиры, строили дома, а мы все деньги оставляли у Карелиных. И я знал – это правда. Слишком долго (до и после войны) мои родители жили, экономя каждую копейку. Похоже, им это настолько надоело, что они решили *отрываться по полной*, хотя бы в отпусках. Чуть ли не каждый день ездили на бега, ходили по ресторанам, театрам, играли в карты.

После увольнения из армии отец получал хорошую военную пенсию и преподавал в вузе. Однако денег всё равно не хватало, а сокращать расходы родители уже не хотели.

«И под её атласной кожей бежит отравленная кровь». До чего же красивая строка! В надрывной песне на стихи Николая Гумелёва, стилизованной под городской романс, под атласной кожей молодой красивой женщины бежала кровь, отравленная любовью, и в этом нет никаких сомнений. Моя же кровь с детства была отравлена знанием того, как живут советские люди за границей, и в Москве, как живут люди, близкие родственники которых находятся в верхнем эшелоне власти. Семь лет проживания в Германии выработали у меня стойкое убеждение, что примерно так – всегда буду жить и я! Но после возвращения в Союз я почувствовал, что *так* не получится. Мама всё чаще стала наведываться в комиссионные магазины, чтобы отнести туда какие—то вещи, потом стала ходить в ломбард. Привычка жить на широкую ногу не покидала моих родителей долгие годы.

Первый приезд в Ташкент

Впервые я приехал с родителями в Ташкент, в 1957 году. Мы прилетели из фестивальной Москвы на самом лучшем в мире четырехмоторном, турбовинтовом пассажирском самолете ТУ-114. На таком же самолёте в 1959 году Никита Хрущёв летал через Атлантический океан в США.

Моя мама хотела повидать свою мать, мою бабушку Александру Кирилловну и свою родную сестру Анну Владимировну, которую с детства все звали Нюся. Тётя Нюся с сыном Аликом и бабушкой жили в подвале старого дома на улице Сталина, рядом с Домом офицеров неподалёку от знаменитого Алайского базара.

Та первая поездка в Ташкент запомнилась мне необычной жарой, мягким как пластилин асфальтом, красивым с многокрасочной подсветкой фонтаном у театра оперы и балета, построенного пленными японцами, вкуснейшим бабушкиным вареньем, и долгими посиделками за самоваром, а потом нудной игрой в лото.

Вечерами я сидел во дворе с соседскими ребятами, и мы рассказывали друг другу разные истории и страшилки. Я подружился с девочкой – Наташей, и она в знак дружбы от чистого сердца подарила мне монету 1886 года «100 PESO». На её обратной стороне красовалась надпись «Imperia do Brasil». Эта монета, кажется серебряная, была очень красивая, тяжелая, и я хранил её много лет. Потом она куда-то бесследно исчезла. Разве мог я тогда далеким летом 1957 года в самых дерзких мечтах подумать, что ровно через 45 лет я поеду в далёкую Бразилию, и буду спокойно разгуливать со своим младшим сыном-студентом по улицам Рио-де-Жанейро! Тогда я, разумеется, не знал, что уже не будет никаких песо, и что расплачиваться мы будем *реалами,* которые будут куплены за доллары, привезённые из России.

Сейчас я думаю: чем была для меня эта стопесовая монета? Случайностью? Знаком? Провидением? Скорее всего – случайностью. Хотя, случайность – понятие довольно сложное и неоднозначное. Вряд ли кто будет спорить с тем, что эта самая случайность в жизни любого человека играет огромную роль. И, в то же время, случайность чем-то похожа на такое понятие как судьба. Великолепно высказался по этому поводу Вольтер: «Случайностей не существует. Всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие». И вот теперь, спустя полвека и используя эту *вольтеровскую классификацию,* могу с уверенностью сказать, что та стопесовая монета была *предвестием.*

Тогда же, в Ташкенте, я узнал, что такое баня. Отец был большим любителем парной. В тот день он взял меня с собой. Здесь было много дядек. Большинство из них были черноволосыми, загорелыми и весёлыми. Я узнал, что такое парная баня. Сидел на мраморной лавке подле шайки с горячей водой и невольно смотрел на то, что у них было внизу живота. Я заметил, что *это* у них выглядело иначе, чем у нас. У одного черного и толстого дядьки *это* было большим, гладким и красным. Все дразнили его «помидором». Дядьки шутили и громко смеялись.

В первый же заход в парную мне стало дурно. У меня закружилась голова, и отец, ловко успев меня подхватить, вытащил в прохладный предбанник, пахнущий берёзовым веником и чистыми простынями.

Интересно, что диковинное словосочетание «Дон Кихот» (для меня оно звучало слитно), я впервые услышал в Ташкенте. Меня взяли в кино на новый цветной фильм. Из этого кино мне запомнилось, как полоумный долговязый старик сражался с ветряной мельницей. По-моему, это было очень глупо.

Двухнедельный отдых в Ташкенте подпортили два небольших, но неприятных инцидента, связанных с взаимоотношениями моей мамы и тёти Нюси. Был обед с жареной индей-

кой. Всё куплено и приготовлено, как обычно, было мамой. На обеде присутствовал тётин знакомый. Всё прошло, на мой взгляд, хорошо, но когда дядя ушёл, моя мама заметила тёте Нюсе, что, мол, некрасиво так индейку делить: одну ножку себе, а другую дяде. А нам, значит, крылышки, или что там останется. Началась перебранка. Мама, на правах старшей сестры, припомнила еще какие-то поступки тёти, связанные не только с кулинарией, но и с другими эпизодами жизни тёти Нюси. И пошло, и поехало. Уехали мы на неделю раньше срока. Мама быстро собрала вещи, папа взял такси, и мы выехали в аэропорт. Подъезжая к аэропорту, мама вспомнила про вышитую бухарскую тюбетеечку, которую купила мне в память о посещении Средней Азии. Оказалось, что мы её забыли у тёти Нюси. Мама приказала шоферу развернуться и ехать назад. Папа был возмущен, но переубедить маму не смог. Характер у мамы был – тот ещё! Мы приехали назад, мама взяла меня за руку, спустилась со мной в подвал. Тетя Нюся, словно ожидая нас, молча подошла к шкафу, вытащила тюбетеечку откуда-то из глубины и швырнула её на стол.

– Что! Уже успела припрятать? – зло сказала мама. Взяла со стола тюбетейку и нахлобучила мне на голову. Много позже я узнал, что *такие* отношения между родственниками, часто встречающиеся у русских людей, называются неприязненными.

Об игре на фортепьяно

Меня охватило отчаяние. Неужели нельзя было написать русским буквами: «до, ля»? Нет, надо городить палки с рейками и на верхотуре лепить черные кругляшки. И тут же – другая палка тянется вниз, и кругляшки висят уже вниз головой.
Наталья Толстая

Лето 1958 года. Поезд «Берлин-Москва» подъезжает к столице. Из динамиков звучит наша, милая сердцу, музыка. Все окна в коридоре вагона опущены до упора. Возле каждого окна по два-три человека. Многие, сладко зажмурившись, подставляют лица упругому ветру. Мама зовет меня к окну:

– Алёша, смотри! Уже университет виден!

На её глазах слезы. Вдалеке, сквозь голубовато-серую дымку виден стреловидный контур высотного здания. Потом еще она высотка, еще…

Москва! Белорусский вокзал. Встречающие. Объятия. Поцелуи. Слезы. Ненужные вопросы. Чемоданы. Носильщики. Московский говор. Мы – в Союзе! Отпуск начался!

Целый год в сырой немецкой Прибалтике мы все, и дети, и взрослые, мечтали об отпуске, нетерпеливо ждали встречи с Москвой. И вот, наконец-то я с родителями еду в большом и длинном, чёрно – лакированном правительственном ЗИСе по солнечной столице. За рулем – респектабельный седовласый водитель по имени Виктор Иванович. Я жадно гляжу в открытое окно и не могу наглядеться на эту красоту. В салоне автомобиля по радио Владимир Трошин поёт «Подмосковные вечера», а мы едем по гладкому как стол шоссе в Подмосковье, на *служебную* дачу.

Боже, какая это была Москва! Умытая коротким летним дождем, зеркально сверкающая мокрым асфальтом, тысячами окон, огромными витринами магазинов, она неслась мне навстречу, наплывая громадами домов, широченными проспектами. Казалось, что я попал во внутрь кинокартины «Весна». Но это было не кино, а *настоящая* жизнь! В сто! в тысячу раз! лучше, ярче, цветистей, и праздничней любого, самого красивого кино!

Вся Москва говорила о Ван Клиберне (так удобней). Он стал победителем Первого Международного конкурса имени Чайковского. В городах и сёлах, квартирах и в автомобилях, в поездах, и на теплоходах – повсюду звучали фрагменты его блистательной игры, и, чаще всего, начальные триумфальные раздольные аккорды самого известного в мире фортепьянного концерта! Это была музыка торжествующего счастья, и всем казалось, что счастье, вот оно, совсем рядом. А у меня, восьмилетнего мальчишки оно уже было. У меня было всё, о чём только можно было мечтать, и даже больше!

Всезнающие, падкие на слухи, лучше всех осведомлённые москвичи говорили, что Ван Клиберн ученик русской эмигрантки первой волны. Советские люди гордились, что русская пианистическая школа, как была, так и осталась лучшей на планете. Долговязый, кучерявый, длиннопалый (руки как у Рахманинова!) американец покорил сердца членов жюри и всех слушателей неожиданной пронзительностью, эмоциональностью и искренностью, столь свойственной именно русским музыкантам.

Вернувшись с родителями из отпуска в Германию, я посмотрел вместе с родителями (как по заказу!) фильм про мальчика из бедной семьи, который стал великим пианистом. В конце фильма юноша играл Первый фортепьянный концерт Чайковского, уже навечно засевший в моей голове после конкурсных московских дней. Мамочка моя плакала, не скрывая слёз. Мы

вышли в тёплую летнюю ночь, и мама, ещё не отошедшая от фильма, сказала: «Ты видел? Вот! Учись музыке! Может быть, и ты станешь знаменитым пианистом!»

Будучи, женщиной простой и энергичной, мама не стала откладывать свой дерзкий план в долгий ящик. Чуть ли не на следующий день она села в аккуратно-игрушечный многодверный вагон поезда и махнула из городка Белиц в городок Бельциг. Вечером привезли старинное красивое пианино орехового дерева с резными бронзовыми подсвечниками. Я во все глаза смотрел на это чудо с восторгом и неясным чувством тревоги.

Мама рассказала, что купила пианино «W. Emmer» по дешевке, на аукционе. Какая – то немецкая семья сбежала в Западный Берлин, оставив всё, прихватив с собой только один чемодан.

Никто из офицерских детей так и не понял, откуда, свалилась эта учительница по музыке. Звали её красиво и необычно – Карина Альфредовна. Это была худощавая, подтянутая, седовласая немка с продолговатым бледным лицом и внимательными тёмно-карими глазами. Она была похожа на гувернантку. Впрочем, её так и воспринимали в семьях советских офицеров, имеющих детей и пианино.

Казалось, что одета она была всегда в одну и ту же длинную, плотную темно-серую клетчатую юбку и в две шерстяных кофты крупной ручной вязки. От неё всегда пахло чем-то непонятным, цветочно – приторным, искусственным. Когда урок был плохо выучен, то этот запах нёс с собой неприятное ощущение приближающейся опасности.

Всех детей Карина (так, упрощённо звали её за глаза и взрослые и дети) почему-то учила по большим советским книгам: «Самоучитель игры на фортепиано» и «Школа игры на фортепиано». Уже через несколько месяцев занятий, она предлагала родителям своих учеников купить ноты Черни, Шмидта, Баха, Шумана, Бетховена, Сме**т**аны, Шуберта, Шопена, превосходно изданные Лейпцигским издательством.

Поначалу подполковник Малютин посмеивался: «Господа офицьеры хочут дать своим чадам культурное, понимашь, образование». Однако не удержался и тоже пригласил Карину Альфредовну. Теперь Борька и Вовка по очереди терзали старинное пианино «Блютнер», которым скромно гордился их отец. Через полгода «Блютнер» увезли в неизвестном направлении, и в просторной гостиной появился роскошный концертный рояль «Бехштейн» на хрустальных конических подставках.

Увлечение музыкой оказалось настолько заразительным, что теперь во многих офицерских домах появились пианино, – у кого старые, «Беккер», «Хофман», «Вайнбах», у кого появились пахнувшие свежим лаком, малогабаритные «Рёниш», «Циммерман», «Петроф». Но подполковника Малютина никто так и не сумел переплюнуть.

Как и для многих детей, для меня началась пытка. Гаммы, аккорды, арпеджио, этюды. «Откуда взялась эта чёртова немка?» – зло думал я и опасливо косил влево, где рядом на стуле с прямой спиной сидела приторно пахнущая Карина Альфредовна. Действовало на нервы, что почти всегда у неё были обнажены верхние, длинные зубы, которые закрывались губой только в момент, когда она записывала элегантной шариковой золотой авторучкой, купленной в Западном Берлине, задание в тоненькую советскую тетрадь.

Карина была строгой учительницей и не выносила русского разгильдяйства и лени. Она без малейшего стеснения делала выговоры родителям своих учеников. Её, в частности, раздражало, что я никак не хотел привыкнуть к правильной постановке кисти. Начинал играть нормально, а через пять-десять тактов кисти рук опускались все ниже и ниже. Карина срывалась и переходила на родной язык: «O, mein Gott! Apfel!» – громко говорила она и больно тыкала острым карандашом в ладонь снизу. «Яблоко! Представь себе, что ты держишь яблоко! Понял?» – с затаённой угрозой спрашивала она. Через какое-то время, безмолвно сидящая

в уголке комнаты мама не выдерживала и предлагала: «Карина Альфредовна, давайте кофейку попьём». Ура! Наступал долгожданный перерыв!

Мама варила настоящий кофе из зерен «Арабика», купленных в Елисеевском магазине, или в гастрономе в высотке на площади Восстания. Перед варкой обжаривала на чугунной сковороде, потом перемалывала на ручной кофемолке. Такой кофе могла позволить себе далеко не каждая немецкая семья в ГДР. Настоящий кофе в Германии был дорог. По всему дому разливался чудный аромат благополучия и комфорта. К кофе подавались бутерброды с хорошим сыром и сырокопчёной колбасой. Как-то раз, во время очередного кофейного перерыва, Карина не без гордости сообщила, что она училась «в Петерсбурге», в консерватории, которую, кстати, закончила до революции и моя бабушка по отцу.

Перерыв скоро заканчивался. Я снова садился за инструмент, Карина приближала свое строгое лицо, теперь от неё пахло не цветочно-приторно, а смесью пережеванного с хлебом сыра, копчёной колбасы и кофе. Она тихо, но настойчиво продолжала повторять: «Не опускай кисти! Представь, что у тебя в ладонях по яблоку».

Что бы там не говорили, но Карина Альфредовна была отличным педагогом, и марки не зря брала. Из Советского Союза доходили сведения, что её ученики успешно поступали в музыкальные училища разных российских городов, а две девочки поступили в знаменитое Гнесинское училище в Москве.

Я был плохим учеником – ленивым, нетерпеливым, своевольным, и быстро возненавидел тупые гаммы, аккорды, арпеджио и бесконечные этюды Черни, Шмидта. Карина мучилась со мной, имевшим, по её мнению, абсолютный слух.

Ноты всё больше сковывали меня. Мне не терпелось играть то, что нравится, то, что хотелось, а не какую-то скучную классику. Я рано стал подбирать по слуху, поразив своих родителей и их приятелей очень верно и четко сыграв в ля-миноре, сразу же, с левой рукой «Аргентинское танго» из только что увиденного слезоточивого кинофильма «Моя бедная, любимая мать» и «Албанское танго», безумно популярные в пятидесятые годы. Теперь ни один воскресный обед с папиными сослуживцами не обходился без моего выступления. Моим родителям было, чем хвалиться. Ни одна офицерская семья в городке не могла представить своим гостям ребёнка, прилично играющего по слуху популярные ресторанные вещи. Начало было положено и мне пришлось расширять свой репертуар.

Через некоторое время затея с обучением музыке у подавляющего большинства семей закончилась, как говорят в Одессе, обычным гешефтом, – покупкой пианино в ГДР и пересылкой их в Союз исключительно для немедленной продажи. Среди офицеров было немало оборотистых людей, желавших как можно больше выжать из своего пребывания за границей. Эти люди, с точки зрения моей мамы, неважно питались, и сильно экономили. В основном, продукты брали с продовольственного склада. Наиболее ухватистые офицерские жёны умудрялись отправить по три, а то и по четыре инструмента! Не случайно, вплоть до середины семидесятых годов, комиссионные магазины в городах СССР были уставлены пианино разных марок и возрастов, а так же щедро представлены гобеленами, хрусталем, фарфором и другими гэдээровскими промтоварами, которые можно было встретить в Союзе каждом *приличном* доме.

Мои родители не были деловыми людьми. Они не копили на машину, на дачу, на строительство дома. Жили не шикарно, но уж точно не бедно, как говорится, в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая.

Отец рассказывал, что в мае сорок пятого в Праге командование подарило ему две (!) трофейные легковые автомашины, но он не стал возиться с их оформлением и переправкой в Союз. Он просто… от них отказался. Помню, рассказывал он об это совершенно спокойно (зачем мне вся эта возня?), а слушатели смотрели на него как-то странно. Мама привезла

из Праги только английские настенные часы, ей понравился их мелодичный бой, и какие-то столовые приборы из нержавеющей стали.

Изредка советских офицеров возили на экскурсию в Западный Берлин. Возвращались они оттуда слегка обалдевшими, словно побывав на другой планете. Капиталистическая витрина Запада была намного богаче и нарядней, чем восточно-немецкая. Германская Демократическая Республика ещё только строила социализм, а там уже во всю свирепствовал капитализм.

Наши военные врачи из разных источников каким-то образом узнавали про новейшие медицинские препараты, разработанные и испытанные в капстранах (почему-то считалось, что они лучше), и если кто-то из родственников или друзей заболевал, то они заказывали лекарства Карине Альфредовне. Она беспрепятственно ездила к своим родственникам в Западный Берлин. Тогда ещё не было Берлинской стены.

УРА! Мы – первые!

Начальная школа в Белице была до четвёртого класса. В пятый класс детей советских офицеров возили в Потсдам, который местные остряки в шутку называли «поц – дам». Возили нас на новеньком, пахнувшим свежей краской (точно так же, как и советские игрушечные самосвалы) автобусе «Прогресс» человек на двадцать.

12 апреля 1961 года, как обычно, утром, мы ехали на занятия. В моём портфеле в специальной пластмассовой коробке находился, заботливо приготовленный мамой завтрак: два большущих бутерброда – немецкий серый хлеб, напоминающий наш сегодняшний «Подовый», щедро намазанный сливочным маслом, внахлест уложенными на него тонкими эллипсами «салями» и большое сочное яблоко.

Наш «Прогресс» неторопливо катил по великолепному немецкому автобану. Нас то и дело легко и деловито обгоняли щегольские Мерседесы, простенькие Рено, Ситроены, кургузые Фольксвагены-жуки со скоростью 150 километров в час (это я узнал у нашего водителя). В автобусе негромко работало Московское радио. И вдруг! СООБЩЕНИЕ ТАСС! Громко и торжественно. Водитель прибавил звук. ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ! Наш советский человек! ЛЁТЧИК – КОСМОНАВТ, МАЙОР, ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН! Мы вразнобой закричали «УРА-А-А!», ещё не понимая, что это значит для нашей страны. Водитель, вероятно потрясённый сообщением, сбавил скорость и аккуратно съехал с автострады на обочину. Остановился, выпустил всех на апрельскую траву. Мы как сумасшедшие орали «УРА» и прыгали счастливые и гордые за Советский Союз.

– Всё! Всё! Давайте в автобус, а то мне влетит! – через пару минут сказал наш сержант – водитель. И мы поехали дальше. Я смотрел в окно уже другими глазами. Всё стало ярче и нарядней. Я почувствовал, что у всех нас начинается другая, новая жизнь, и скворчонком зазвучало в голове: Мы – первые! Мы – первые! Мы – самая лучшая, самая большая, самая счастливая страна в мире!

В Ростове – на – Дону

Августовский Ростов 1961 года встретил нас, вернувшихся из Германии, пыльным зноем, невыносимо-вкусным запахом свежеприготовленной баклажанной икры, мощно доносившимся с завода «Смычка» и хмеле – дрожжевым запахом пивоваренного завода.

Большой прямоугольный военный двор из серых шестиэтажных домов был таким же, как и семь лет назад, только деревья подросли. Даже звуковая начинка двора не изменилась: звенели детские голоса, голоса мамаш, выкликающих своих чад, раздавались стуки костяшек домино, обрывки какой-то радиопередачи, нудные фортепьянные упражнения из открытого настежь окна, нервные трамвайные звонки с Будённовского проспекта.

По настоянию мамы занятия музыкой не прекратились и после возвращения из ГДР в Ростов.

Если бы я захотел придумать какое-то необычное, экзотически-красивое имя героине своей повести, то не придумал бы ничего лучше, чем настоящее имя моей новой учительницы по классу фортепиано – Иоинна Исааковна Серебряная. Чувствуете? Как музыка звучит… Рыжеволосая, невысокая, крутобедрая, с темными чувственными глазами, молодая женщина произвела на меня неизгладимое впечатление

Мне было двенадцать лет. Интерес к противоположному полу рос день ото дня. Рано развившиеся ростовские девочки – одноклассницы добавляли дрожжей в бродящую кровь, а тут ещё эта учительница-мучительница!

Меня так и тянуло посмотреть на её высокую, обтянутую тоненькой блузой грудь, на персиковые, покрытые нежнейшим пушком щеки, хотелось заглянуть в эти большие, бархатные, миндалевидные глаза. Но мне было страшно. Самым доступным объектом были её маленькие изящные ручки с точеными пальчиками. Перед каждым уроком я яростно мыл лицо с земляничным мылом, мочил непослушные волосы, тщательно причесывался и надевал чистую рубашку. А однажды, так сильно начистил гуталином ботинки, что Иоинна Исааковна недовольно сморщила веснушчатый носик и сказала: «Пожалуйста, не чисть ботинки перед моим уроком». Я покраснел, как рак и минут десять не мог попасть пальцами в нужные клавиши.

По прошествии многих лет в голову пришла вполне трезвая мысль. Занятия музыкой с детьми – дело весьма полезное. Многочисленные выпускники музыкальных школ, училищ, а также дети, занимающиеся у частных педагогов, по сути дела, пополняют армию, если так можно выразиться, более или менее квалифицированных слушателей классической музыки. В масштабах огромной страны может быть это и не очень заметно, но с точки зрения увеличения, утолщения, так называемого культурного слоя – вещь немаловажная. Закончившие, например, музыкальное училище, уже не перепутают Генделя с Бахом, или Дворжака с Шопеном. Впрочем, значительная часть молодых людей, как минимум, получают неплохое музыкальное образование, и продолжают слушать хорошую музыку. Не случайно большинство знаменитых зарубежных исполнителей считают российскую публику самой взыскательной и самой благодарной.

Мне казалось, что очень скоро в этом дворе у меня появятся друзья и начнётся новая, интересная жизнь. Но ростовские пацаны не спешили принимать меня в компанию. Им не нравилась моя иностранная одежда и модные очёчки. Я не курил, не матерился, не плевал сквозь зубы. В общем, был чужаком. Я уже стал подумывать, что никогда не найду приятелей.

Но оказалось, что я не единственный «интеллигент» в большом ростовском дворе. Лёня Ткаленко из соседнего дома тоже был из военной семьи. Всегда чистенько одетый и аккуратно

причесанный на косой пробор, был он на два года старше меня и выгодно отличался от других мальчишек повседневной ухоженностью и любовью к чтению, о чём я узнал совершенно случайно.

– Кто у тебя отец? – при знакомстве спросил Лёня

– Военный.

– Понятно, что не колхозник. В каком звании?

– Подполковник. Военный врач. Сейчас в отставке. А твой?

– Мой – начальник библиотеки Артиллерийского училища. Майор.

– У вас, наверное, много книг?

– Да, у отца хорошая библиотека. Хочешь посмотреть?

Квартира мне очень понравилась. Поразил кабинет отца, все стены которого были от пола до потолка заставлены импортными румынскими остеклёнными полками. Такое количество книг в квартире я видел впервые. Вероятно, здесь было всё, что выходило в СССР за последние лет пятнадцать.

– У нас тоже есть некоторые из этих книг, – гордо сказал я, заметив знакомые корешки собраний сочинений Чехова, Куприна, Достоевского, Толстого, Сервантеса, Золя, Драйзера.

– Хочешь коньяку? – неожиданно спросил Лёня.

– Не знаю, я никогда его не пил, смущённо ответил я. – Это твой коньяк? – зачем-то спросил я.

– Неважно.

Лёня вёл себя, как Бобик из мультфильма, когда тот принимал гостя в отсутствии дедушки. Мы по-взрослому расположились в удобных креслах у журнального столика. Лёня уверенно наполнил хрустальные рюмки, подвинул ко мне початую коробку с шоколадными конфетами, и небрежно бросил на журнальный столик свежий журнал «Америка». Я забыл про рюмку и стал с интересом листать плотные, глянцевые страницы. На одном из разворотов журнала – застрял надолго.

До сих пор помню четкий черно-белый снимок, на котором молодой моряк в клешах широко и стремительно шагает куда-то с новенькой шестиструнной гитарой на правом плече. Я жадно вглядывался в фотографию, подробно рассматривая *настоящую* гитару: идеально гладкую верхнюю деку, изящную головку грифа, симметрично расположенные колки, розетку, струнодержатель, каждую струну. Я словно слышал упругий, незнакомый звук этой гитары, купленной по случаю, американским морячком. «У меня обязательно будет такая гитара! Даже в сто раз лучше!» – с непрошенной завистью подумал я про себя.

Тогда, в шестом классе я по-настоящему увлёкся гитарой. Это была какая-то болезнь, похожая на любовь. Я с утра до вечера мог шпарить на своей *семиструнке.* Стал хуже учиться. Подушечки пальцев левой руки загрубели до копытообразного состояния. Но уже тогда я стал мечтать о шестиструнной гитаре. Произошло это после просмотра потрясающего кинофильма «Человек – Амфибия». Я был просто уверен, что аккорды *такой* красоты можно извлечь только из *шестиструнки!*

В начале шестидесятых годов в лучшем ростовском кинотеатре «Россия» между сеансами играл хороший эстрадный оркестр. Всё моё внимание было приковано к большой жёлтой электрогитаре. Я вслушивался и вглядывался в левую руку гитариста, не забывая и про правую кисть, ритмично порхающую над тугими блестящими струнами. Возвращаясь домой, я торопливо хватал свою гитару, быстро перестраивал её на испанский лад (ми-си-соль…), присаживался к пианино и мучительно вспоминая положение пальцев на грифе гитариста из оркестра, пытался выяснить правильность звучания гитарных аккордов на пианино. Но получалось это плохо, и я возвращал назад уже привычный семиструнный строй. А внутри меня звучала песня рыбака из любимого кинофильма «Человек – амфибия» и светлячками вспыхивали изумитель-

ные напряжённо – трагические аккорды. Гитара звучала в моих руках, в моей голове, по радио и телевидению. Часто передавали хорошую музыку. Исполнялись замечательные старинные русские и цыганские романсы. Один Николай Сличенко чего стоил! И везде гитара, гитара с её неподражаемым, завораживающим звуком.

Шесть лет подряд наша семья проводила отпуск у Карелиных в Москве, и позже мы никуда не выезжали. Теперь отец был в отставке, преподавал в вузе, старшая сестра жила с мужем за границей, а я обходился отдыхом на городском пляже, расположенном на правом берегу Дона, куда я ездил с компанией сверстников из нашего двора.

Все ростовские мальчишки были отличными пловцами и ныряльщиками. Их излюбленным занятием было срывание лифчиков с юных купальщиц. Технология была проста: с берега они выбирали группу подружек, забегали в воду, беззаботно плавали рядом, метрах в десяти от них, потом незаметно подныривали к ним, срывали лифчики, чтобы потискать вожделенные упругие холмики. Начинался жуткий визг, пацаны улепётывали, не успев вволю насладиться запретными плодами, и шли дальше в поисках новых жертв. Их естественная сексуальность требовала хоть какой-то подпитки, острых ощущений, а по сути настоящего полноценного полового контакта, почти невозможного в столь юные годы.

Разумеется, были какие-то случаи, о которых позже мальчишки узнавали из рассказов своих друзей, или из художественной литературы, о том, как взрослые женщины совращали мальчишек. Вспомните великолепный рассказ Бориса Хазанова «Праматерь».

К примеру, один из моих близких друзей потерял девственность в шестнадцать лет. Всё было просто. Он пришел к своей однокласснице за какими-то книгами, но девочки дома не было, а была её безмужняя мама. Случилось так, что мама, красивая молодая женщина оказалась в красивом пеньюаре с бокалами в руках, для себя и неожиданного гостя. Потом она говорила что-то хорошее, стала ласкать хорошенького старшеклассника. Он и не заметил, как оказался с ней в постели и получил свой первый урок плотской любви, который остался в памяти на всю жизнь. Он вспоминал, что его поразило, как красиво, естественно, бережно и умело она провела *инициацию*. В его рассказе, кстати, не было ни малейшей грубости, ни намёка на пошлость, и в голосе чувствовались нотки искренней благодарности.

Между прочим (не мною было замечено), половая потенция тесно связана с потенцией творческой. В большинстве случаев лучшие свои произведения авторы создают в молодые и зрелые годы. Это, как яркая иллюстрация, в полной мере относилось и к моему другу, человеку талантливому, настоящему обожателю женщин. И пошлое выражение «Женщины к нему в очереди стояли» не было фигурой речи, так оно и было на самом деле.

Летом я все дни проводил на правом берегу Дона, на городском пляже. Там всегда было много блатных компаний с гитарами. Купались, загорали, курили, выпивали, играли в карты, но главное, пели под гитару. Запомнился парень по имени Арсен. У него не было указательного пальца на правой руке, но он мастерски «крутил восьмёрку», самый сложный и популярный бой уголовников – гитаристов, пальцем, которым сегодня, чаще всего, показывают «Фак». А какие он пел песни! Вокруг него всегда была толпа слушателей. Я старался протиснуться поближе. Пытался запомнить все эти неуловимые смены *больших* и *малых звёздочек*, *баррэ*, а дома меня ждала пятирублёвая семиструнка, и я уже умел петь под собственный аккомпанемент песню, из только что прошедшего фильма «Оптимистическая трагедия».

«Была бы шляпа, пальто из драпа, а к ним живот и голова! Была бы водка, а к водке глотка, – всё остальное – трын – трава!», – звонко пел я, удовлетворённо замечая, что это получается у меня намного лучше, чем у других.

В первый раз я попробовал вино на пыльном и горячем чердаке ростовского шестиэтажного дома на Будённовском проспекте. Это был, кажется, вермут за один рубль две копейки с легкомысленной белой наклейкой, на которой был незатейливый рисунок, изображающий виноград, яблоки, цветочки и вишенки. Напиток мне положительно не понравился своей приторностью и отчётливым микстурным привкусом. Потом было молдавское вино «Гратиешты». Оно было не такое *микстурное,* а состояние опьянения показалось мне забавным, но не очень приятным.

Длинными, зимними вечерами дома было скучно, и меня тянуло на улицу. Набор развлечений был прост. Подъезд, гитара, сигареты, вино, разговоры обо всем и ни о чем. Компания была стабильной – четыре-пять человек. Однажды Лёня-книголюб привел в подъезд очаровательную девушку-девятиклассницу.

– Познакомьтесь, Чекушка, – не моргнув глазом, представил её Лёня.

Чекушка была полутораметровой статуэтно – изящной девочкой с кукольным личиком, худенькой детской шейкой, с очаровательной рельефной грудкой, обтянутой тонким чёрным свитером, с точеными ровными ножками, с большими бархатными глазами, в которых зияла пропасть неизведанного, таинственного и порочно – притягательного. Неторопливо, по глоточку, по кругу выпивалась из горлышка бутылка дешёвого портвейна, и начиналась игра в бутылочку. Не знаю, кому как, но мне эти игровые поцелуи не доставляли никакого удовольствия. Было в них что-то механистичное и фальшивое. И тогда, и сейчас я считаю поцелуй в губы – все же интимным процессом; там же прилюдно целовали девочку, игравшую роль порочной женщины.

В Ростове я, слава богу, не успел пристраститься к вину, отвлекли серьёзные занятия спортом. С седьмого класса я стал ездить на тренировки в знаменитую на всю страну ростовскую ДСШ №1 (благодаря школе шестовиков Т. Прохорова) и уже через полтора года стал чемпионом города по прыжкам в высоту в своей возрастной группе.

Начало марта. Мне тринадцать лет. Я иду по Будённовскому проспекту в сторону Дона. По краям тротуара и под домами лежит грязно – серый снег, но воздух уже пахнет весной. На фоне лазурного неба четко выделяются раскидистые ветви деревьев с прилипшими к ним грачами, и это напоминает китайские миниатюры, выполненные чёрной тушью. Внутри меня нежно и трепетно звучит «Пятый венгерский танец Брамса». Мелодия сливается с неясным ощущением чего-то хорошего и светлого. Я останавливаюсь возле витрины центрального универмага. На тёмно – бордовом бархате лежат мерцающие вишнёвым лаком скрипки и альты. Их вид вызывает почти физическое наслаждение. Мелодия Брамса обрывается, и её место занимает досадный вопрос: «Ну, для чего меня отдали учиться на фортепьяно, а не на скрипку?! (В голове появляется образ Сашки-музыканта из «Гамбринуса» в обличии Ролана Быкова). Я бы так научился играть, что поразил бы весь мир! Я бы заставил смеяться, стонать и плакать свою скрипку (как Сашка), а вместе с ней своих слушателей, весь мир! Я всех сделал бы счастливыми! И они полюбили бы меня, как люблю я весь этот весенний необъятный мир!

– Вот таким в сорок третьем был весь город, кивнув в сторону сгоревшей, с ржавыми подтёками многоэтажной гостиницы «Ростов», как бельмо на глазу уродующее нарядный проспект – сказал отец.

– Так уже 20 лет прошло! Почему до сих пор не отремонтировали, – возмутился я.

– Чёрт их знает, может сносить будут.

Недалеко от нашего военного двора было еще одно напоминание о войне: почти целый, закопчёный старинный особняк без крыши, с большими пустыми окнами, выходящими на Будённовский проспект. Все ростовчане знали, что именно здесь, в этом дореволюционном доме была снята замечательная сцена из фильма «На семи ветрах».

В 1963 году мама уехала в Прибалтику провожать мою сестру с семьей в ГДР. Мы с отцом остались вдвоем в Ростове. Обедали обычно в кафе «Дружба», которое славилось настоящей сборной мясной солянкой с классическим набором мясных продуктов, с маслиной, кружочком лимона ложкой густой сметаны. Уже с одиннадцати утра на улице Энгельса стояла обеденная очередь на солянку.

Одно из посещений кафе мне запомнилось на всю жизнь. Был хороший солнечный день. Мы, как обычно, пошли обедать в «Дружбу» А аппетит, надо сказать, у меня был отменный, почти всегда хотелось есть, и ел я с жадностью, которая раздражала моего хорошо воспитанного отца.

Заказали солянку.

– Салат из помидоров будешь?

– Да.

– Сырники со сметаной?

– Буду.

– Лимонаду выпьешь?

– С удовольствием

– Может, ещё пирожное с кремом хочешь?

– Да, и ещё стаканчик кефиру!

Отец посмотрел на меня пристально, и мы принялись за еду. На пирожном с жирным кремом я стал испытывать трудности, а кефира мне уже совершенно не хотелось.

– Пап, я кефир не хочу.

– Нет уж, милок! Раз заказал – так ешь! Ты же все время не наедаешься, так ешь, пожалуйста! Давай!

Кое-как я одолел стакан кефира, отец расплатился, и мы вышли на залитую солнцем улицу. Минут через десять меня стало мутить, и в каком-то переулке весь обед оказался на асфальте.

– Что, плохо? – участливо спросил отец.

Я утвердительно кивнул.

– Не надо жадничать, сынок. Запомни хорошенько (в его голосе зазвучали металлические нотки), никогда не жадничай! Ни в еде, ни в питье, ни в чем.! Жадность до хорошего не доведёт! Запомни это на всю жизнь.

Запомнить-то я запомнил, но если бы я всегда выполнял тот завет своего отца…

Командир ростовского экипажа самолёта Ан-10 мой тёзка Алексей Андреевич Востриков всегда с удовольствием слушал мою игру на фортепиано. Однажды попросил сыграть по нотам, что-нибудь классическое, но я отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.